

ISSN 0130 1640

www.znanie-sila.ru

ЗНАНИЕ-СИЛА®

«Knowledge itself is power» (F. Bacon)

6/2012

1812

ГОД

Как
начиналась
война

6/2012 В НОМЕРЕ

- 73** ИСТОРИЯ
И ОБЩЕСТВО
М *А. Горянин*
**Загадки крепостного
права**
- 81** КОСМОС: РАЗГОВОРЫ
С ПРОДОЛЖЕНИЕМ
М *Б. Булюбаш*
Проект Миллиметр
- 83** *М. Вартбург*
**И о «нашей»,
и о Мультивселенной**
- 90** БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ
РЕПОРТАЖ
С. Смирнов
**Как живешь,
НИИ ЧАВО?**
- 94** ПРИРОДА ВОКРУГ НАС
- 95** ВСЕ О ЧЕЛОВЕКЕ
Р. Григорьев
Никотин и нейтрофилы
- 99** МАЛЕНЬКИЕ ТРАГЕДИИ
ВЕЛИКИХ ПОТРЯСЕНИЙ
Е. Съянова
Право на истину
- 101** РАССКАЗЫ
О ЖИВОТНЫХ
А. Волков
**Пещерный медведь
в жизни и смерти**

Ученые исследуют останки
пещерных медведей с середины

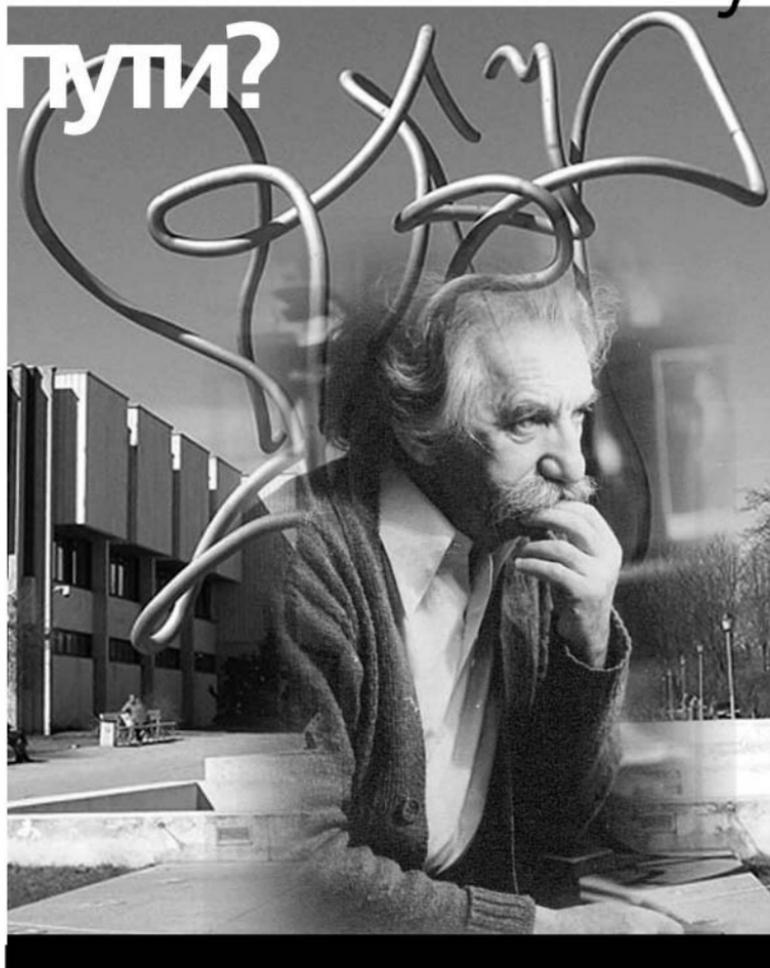
XVIII века, но загадок от этого
не становится меньше.
Как доподлинно выглядели эти
исполины? Были ли они
вегетарианцами, всеядными
животными или лютыми
хищниками, наводившими ужас
на наших далеких предков?
И наконец, когда они вымерли?
И по какой причине это
произошло?

- 108** БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ!
- 110** ЛЮДИ НАУКИ
В. Калюжный
**По лотмановскому
пути?**
- 118** ЧЕЛОВЕК
И КОМПЬЮТЕР
Ал Бухбиндер
**Компьютер
читает Библию**
- 120** РАЗМЫШЛЕНИЯ
У КНИЖНОЙ ПОЛКИ
Л. Гомберг
Опущенная Библия
- 126** КАЛЕНДАРЬ «З-С»:
ИЮНЬ
- 128** МОЗАИКА

ЛЮДИ НАУКИ

Владимир Калюжный

Полотмановскому пути?

В этом году отмечается девяностолетие со дня рождения Юрия Михайловича Лотмана. Можно говорить и о пятидесятилетии московско-тартуской школы. Все это закономерно приводит к очередному всплеску как интеллектуальной, так и околонучной активности, связанной с именем Лотмана. Запланированы конференции, выступления, новые издания, публикации. В юбилейный год уместно перелистать страницы десятилетней давности, чтобы представить себе: что же удастся сказать нового? Ведь, кажется, уже вспомнили, что смогли, сформулировали, что умели, предсказали, что хотели.

В течение последних 20 лет работы ученого неоднократно переиздавались. Количество ссылок на него не уменьшается. Создан ряд страничек в Интернете. Так что — триумфальное шествие? По мнению профессора Б.Ф. Егорова, петербургского историка, культуролога, литературоведа, так и есть: «Триумф Лотмана, несомненно, — громадный, непоколебимый, радостно прочный». Подобное мнение разделяют многие.

Так, филолог Роман Григорьев и искусствовед Сергей Даниэль в своей статье «Парадокс Лотмана» утверждают, что Юрий Михайлович был как «мыслителем универсального размаха», так и специалистом в конкретных областях, осуществляющим «познавательный проект поистине ренессансного масштаба». Его «научная деятельность, — считают они, — соизмерима с работой целого института ученых разного профиля».

Более сдержанно в заметках «На пушкинском пути», написанных по поводу предыдущей круглой даты, высказывается литературный критик Андрей Немзер. Как достижение он отметил «сохранение «лотмановского» духа на кафедре русской литературы Тартуского университета» и «первые приступы к полноценному осмыслению наследия самого Лотмана». Видит Немзер и оборотную сторону юбилейной медали: «превращение Лотмана в «начальника», без ссылок на которого (надо — не надо) не обой-

дешься, бессистемное тиражирование его трудов, опыты приспособления «позднего Лотмана» к постмодернистской болтовне, ядовитые сплетни, попытки отменить как «устаревшее» изрядную часть наследия великого ученого...»

Сказанное перекликается с тем, что писал на шестидесятилетие Лотмана в 1982 году его ближайший сподвижник Игорь Чернов. Прежде всего, благодарный ученик подчеркивает многочисленные достоинства своего учителя: «одна из самых ярких личностей университетского города», «любимец многих своих учителей», «свет истинной духовности», «эмпирик, прекрасный знаток фактов и текстов, смелый концепционист и теоретик, владеющий многими методами исследования». В то же время он отмечает и некоторые минусы: «сильное импровизационное начало», известная «разбросанность» исследований, непредсказуемость выводов.

Чернов признает существование «исторической и концептуальной системы Ю.М. Лотмана», отмечая, однако, и то, что описать ее «довольно сложно»: идеи классика постоянно в движении, легко отбрасываются и заменяются новыми, противятся систематизации.

Примерно о том же размышляет искусствовед и культуролог Ян Левченко в статье 1996 года «Постижение текста: к эволюции семиотических понятий Ю.М. Лотмана». Выпускник Тартуского университета подразделяет семиотическую деятельность ученого на четыре периода: (1) «Предисловие» (от истории к теории); (2) Построение алфавита (Новая концепция); (3) Экспрессия знака (*Semiotica sub specie historiae*); (4) Невыразимое (Поиск «другого»). По мнению Левченко, на последнем этапе Ю.М. Лотман отвергает изначальный пафос точности и научности, в результате чего его язык «становится средним литературному».

Григорий Ревзин (сын И.И. и О.Г. Ревзиных, стоявших у колыбели Тартуско-московской семиотической школы) в заметке «Посторонний гений» видит главную заслугу

Дружеский шарж
на Ю. Лотмана

Ю.М. Лотмана в том, что он утвердил «ощущение суверенного достоинства гуманитарной мысли». Опираясь на письма Лотмана, он говорит об особой экзистенциальной позиции человека, установившего «дистантные отношения с реальностью» и находящегося в «особом состоянии подвешенности». В то же время Ревзин с грустью сознает: «у Лотмана, кажется, нет никакого «в глубине», у него все на поверхности, просто это очень большая поверхность». Иллюстрируя последнюю мысль, заметим, что у юбиляра на одной странице преспокойно уживались Хайдеггер и Бурбаки.

Передо мной — ставший уже раритетом сборник статей «В честь 70-летия профессора Ю.М. Лотмана», выпущенный в Тарту в 1992 году. Среди интереснейших лишь одна, написанная Пеэтером Торопом, касается общих вопросов. В разделе «Школа как учение» он предпринимает попытку подвести некоторые — неформальные — итоги эволюции Ю.М. Лотмана-семиотика. Обратим внимание на выводы: «... 3) у Лотмана нет сформулированной на едином метаязыке семиотической доктрины, поиски такой доктрины приведут к ощущению противоречивости взглядов Ю.М. Лотмана; 4) Ю.М. Лотман не столько методолог, сколько мыслитель, который

может об одном и том же мыслить бесконечно долго и разнообразно».

Относительно будущего тартуской школы Тороп излучает оптимизм. А вот социолог культуры Абрам Рейтблат в рецензии на первый «Лотмановский сборник» куда более скептичен: «В наши дни все с почтением относятся к Лотману, но никто из «наследников» не только не работает в его парадигме, но даже не хочет обсуждать».

Размышляя над отсутствием у Лотмана учеников, лингвист Ревекка Фрумкина поясняет: «Лотмана обожали, перед ним преклонялись и, безусловно, у него учились. Вопрос — чему..» («Новый Мир», 2001, №6). Ведь идеи учителя должны быть «развиты прежде, чем успеют устареть». При этом легче всего профанируются идеи наиболее эффектные. Ученый обязан располагать методом, в противном случае его идеи — не более, чем «прозрение, инсайт, стиль, богатство интуиции», «провоцирующие на подражание». Вывод: «Юрий Михайлович, не оставивший последователей, останется Учителем и культурным героем».

По мнению философа Романа Ганжи, парадоксально мыслящий Лотман релятивизирует противопоставление означаемого и означающего, меняет местами планы выражения и содержания,

сталкивает принципиально различные коды. В результате автор предисловия к книге Лотмана «Об искусстве» (1998) оказывается в замешательстве: «непонятно, как поступить с Юрием Михайловичем, ругать его — или хвалить? И даже непонятно — кого?»

К 80-летию Лотмана приурочена и статья филолога Георгия Левинтона «Заметки о критике и полемике или Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений (Ю.М. Лотман и его критики)». Автор отмечает, что «ошибки Лотмана искали охотно, азартно», сетует: «ругать Лотмана — это уже какой-то спорт». Однако он не берется объяснить причины критиканства, но «ограничивается простой классификацией хулителей и отчасти их претензий». В итоге Левинтон выделяет три категории противников: (1) бывшие структуралисты с «воинственным и даже злобным», но редко переходящим на личности «антиструктурализмом»; (2) бывшие ученики, у которых за «инфантильной яростью в действительности скрывает расчет»; (3) простые (хотя среди них немало знаменитых) «ненавистники структурализма». Тем самым «общественный защитник» Лотмана не допускает возможности беспристрастного и объективного анализа наследия классика.

Самый обстоятельный анализ тартуского структурализма и вклада его лидера дает писатель, философ, культуролог Денис Соболев в статье «Лотман и структурализм: опыт невозвращения» («Вопросы литературы», 2008, №3). Он признает роль Лотмана в своем становлении как ученого, но вывод его нелицеприятен: «Языковая модель литературы — представление о литературе «как языке» — сколь бы привлекательной она ни выглядела, является ложной». Соответственно, можно утверждать, что и взгляд Лотмана на искусство как на язык столь же неверен.

Как видим, следование по структурно-семиотическому пути не так уж похоже на «марш победителей».

Беда в том, что конференции Лотману «посвящаются», а всевозможные издания «приурочиваются». Характерные обороты типа «To honour of professor

Yu. M. Lotman», «Русская культура sub specie semioticae lotmanianaе» имеют, скорее, ритуальный характер. Сами форумы посвящены, как правило, не развитию идей их первооткрывателя, а самым разнообразным темам. Вот знаковое название яркой статьи филолога Елены Мельниковой-Григорьевой: «Безделушка (философско-семиотические заметки по пустякам)». Получается, классик нужен для того, чтобы освятить мероприятие, а не осветить проблему. Имя «Лотман» превратилось в знак (подчас несуществующего) качества, в грантоемкий бренд.

В Интернете ученый представлен и вовсе бессистемно. Многие его работы найти затруднительно. Никто не ведет библиографию исследований о Лотмане. Двойственные ощущения вызывает вкладка LOTMANIANA TARTUENSIA на знаменитом сайте «Рутения» (<http://www.ruthenia.ru/lotman>). Так, в разделе «О Лотмане: Статьи и заметки» представлены лишь 19 публикаций, отобранных весьма субъективно. Не реализует своего предназначения — быть дискуссионной средой проекта — и сообщество в «Живом журнале»: <http://community.livejournal.com/lotman>.

В какой мере издания Лотмана способствуют развитию его идей? Отвечая на этот вопрос, имеет смысл взглянуть на последние прижизненные публикации. Складывается впечатление, что ученый не столько писал новые книги, сколько переиздавал написанные в разное время статьи, по-разному их компоновал и комментировал.

Обратим внимание на состоящий из десяти статей раздел «Семиотика культуры» в первом томе трехтомника «Избранные статьи» (1992 г.). Не приводя названий самих статей, выпишем годы их первоначальных публикаций: 1984, 1981, 1978, 1983, 1973, 1973, 1978, 1987, 1983, 1989. Такие временные скачки вряд ли могут привести к стройности и связности текста. В предисловии к трехтомнику автор сетует, что, хотя общий план работы сложился у него давно, снять все повторы не представилось возможным. Но дело не только в этом. На протяжении более двадцати лет, когда писа-

лись образовавшие книгу статьи, у автора многократно менялись творческие установки. А превратить россыпь в целое практически нереально.

Не стала системным изложением взглядов Лотмана и его книга «Внутри мыслящих миров». Несмотря на обозначение ее как «монографии», редактор Т.Д. Кузовкина признает, что книга «выросла из статей, печатавшихся в 1960–80-е годы». Изданная в 1990 году в Англии и составленная самим автором, находившемся на перепутье между «структурализмом» и «постструктурализмом», она производит впечатление космизированного хаоса. Предисловия Вяч. Вс. Иванова к русскому изданию и Умберто Эко к лондонскому повествуют о многих интересных материях, но не анализируют научные идеи ученого.

Характерно также, что составители многочисленных переизданий классика (в особенности для массового читателя) действуют зачастую на свой вкус и риск, выстраивая все новые и

новые мегатексты. Возникает вопрос: а возможно ли вообще академическое издание трудов Ю.М. Лотмана, снабженное скрупулезным анализом его творчества?

Казалось бы, успешной попыткой разобраться в наследии ученого могла стать книга Б.Ф. Егорова «Жизнь и творчество Ю.М. Лотмана» (М.: НЛО, 1999) — филолога, «имевшего счастье сорок лет прошагать» рядом со своим маститым коллегой. Однако она удостоилась просто разгромных рецензий. Так, Ян Левченко видит в этой публикации «приторно-сусальную биографию Ю.М. Лотмана», а ее автора ассоциирует с «сувенирной индустрией». Глебу Мореву книга Егорова представляется полной, «с одной стороны, удручающего духа советской канцелярии, а с другой — неуместного житийного пафоса».

Наиболее детально анализируют «Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана» Евгений Горный и Игорь Пильщиков, подчеркивающие, что образ

главного героя выписывается в книге «в соответствии с агиографическим каноном». Далее, однако, идет важное уточнение: «Миф об Ученом и Интеллигенте» «был сотворен самим Лотманом». Неудачной признают критику «историко-научную составляющую» обсуждаемого труда. Речь по преимуществу идет «не о методах и подходах, а о разнообразных исследовательских темах, к которым обращался Лотман». Самой слабой рецензентам видится глава «Структурализм и семиотика», где они усматривают путаницу, невнятицу да и прямые ошибки. Неумолимое словословие, отсутствие какой бы то ни было авторской рефлексии заставляют рецензентов заметить, что соответствующий тон «скорее уместен в надгробной речи, чем в академическом исследовании».

Своего рода дополнением к сочинению Егорова стала книга, написанная его южнокорейским аспирантом Ким Су Кваном: «Основные аспекты творческой эволюции Ю.М. Лотмана», представляющая пересказ наиболее известных положений лотмановских работ.

Заметим, что вступительная статья к этому изданию, принадлежащая перу Михаила Гаспарова, отдавая должное великому подвижнику, обращает внимание на следующее: «Юрий Михайлович Лотман не оставил связного изложения своих концепций», «Если разобрать сочинения Лотмана на отдельные суждения, то между ними легко найти противоречия».

В другой своей статье «Ю.М. Лотман: наука и идеология» Гаспаров отмечает, что в борьбе с ортодоксией «военная хитрость» Лотмана состоит в использовании диалектического и исторического материализма в соответствии с их изначальной сутью. Не потому ли «человеческая личность для Лотмана – не субстанция, а отношение, точка пересечения социальных кодов»? Юрий Михайлович, – подводит итог Гаспаров, – «не бросал вызовов и не писал манифестов – он поднимал средний уровень духовной жизни», чем теперь все пользуются.

2000-е годы ознаменовались новыми пополнениями «лотманианы». Сборник 2009 года «Юрий Михайлович Лотман» (под редакцией В.К. Кантора) представляет собой конгломерат статей, не имеющих концептуального стержня. Несмотря на то, что книга вышла в серии «Философия России второй половины XX века», мировоззрению Лотмана в ней посвящено не более трети работ. Тем более удивительно, что в издании не нашлось места для статьи Михаила Лотмана «За текстом: Заметки о философском фоне тартуской семиотики» из «Лотмановского сборника» (1995). В ней отмечается, что «Ю.М. Лотман не проявлял никакой интереса к философскому и методологическому обоснованию своих концепций», «разрабатывая принципиально новый научный подход, он вообще стремился избежать философских аллюзий», а «в частных беседах не раз настаивал на том, что профессиональная философия в наши дни – анахронизм». Не попали в сборник и «Заметки из 90-х о семиотике 60-х» Александра Пятигорского, в которых, в частности, признается, что «семиотика не смогла стать философией языка и пыталась заместить собою философию культуры».

В еще одной не замеченной Кантором статье «Актуальность Лотмана» (2002) Михаил Гронас писал, что понимание научности Лотмана варьировалось в «пограничной области между *Verstehen* и *Erklaren*, сциентизмом и рациональной герменевтикой». Если «ранний» Лотман склонен к лингвистическому или информационному редукционизму, то «поздний историко-культурный» Лотман соотносится с вкусовым поворотом к постструктурализму. Отметим в связи с этим, что существует целое движение (например, Г.С. Кнабе, Н.С. Автономова), защищающее Лотмана от причисления к постмодернизму.

Написанная на границе философии и филологии книга Натальи Автономовой «Открытая структура: Якобсон-Бахтин-Лотман-Гаспаров» (М., 2009) проникнута пафосом рационализма. При этом параграф «Как возможна точ-

ная наука в филологии» помещен в главу «Гаспаров: рыцарь «строгой науки»». Но и семиотики не обижены — третья глава носит название «Лотман: «от ненауки к науке»». Любопытно суждение автора о том, что Лотман, «выступая за науку и за структуру, никогда не боялся никакой ненаучности и неструктурности». Подтверждая сказанное выше, Автономова признает: в «Культуре и взрыве» Лотман «спешит договорить то, что не успел сказать, или повторить то, что считает особенно важным». Однако автор, опять же, скорее демонстрирует собственное отношение к ученому, нежели анализирует его идеи.

В целом нужно признать: с монографическим изложением его концепций Лотману не повезло.

Да и сам ученый, по признанию его сына, принципиально отказывался от систематического изложения своих идей, от интеграции результатов в единое обобщающее целое. По мысли нынешней заведующей кафедрой русской литературы ТГУ Л.Н. Киселевой, у Лотмана не было всеприложимой теории, но ему была присуща конкретность и открытость.

Вопрос о степени научности поисков Лотмана также можно считать открытым.

Основы научного подхода были провозглашены в его статье 1967 года «Литературоведение должно быть наукой». В ней «литературоведу нового типа» (как не вспомнить о «человеке нового типа!» — В.К.) предписывалось сочетать владение собственным материалом с «навыками дедуктивного мышления, вырабатываемого точными науками», а в идеале — «совместить в себе литературоведа, лингвиста и математика».

В действительности же Лотман изобретал, утверждал, провозглашал, но мало что доказывал (в лучшем случае, иллюстрировал); зачастую писал о том, что проверить, в принципе, невозможно, не спеша поясняя смысл используемых терминов. Как замечает М.Б. Плюханова (Тарту/Рим), «Лотман давал себе свободу мыслить несистематически и парадоксально, вопросы методологии были ему достаточно безразличны». Сергей Да-

ниель характеризует мышление Ю.М. Лотмана как «пластичное».

Неудивительно, что и роман с математикой дальше «ухаживаний» не пошел. У адепта структурализма мы можем обнаружить лишь манипулирование математической терминологией (любопытно, что подобная страсть к тополого-геометрическим спекуляциям владеет и постмодернистами). При этом наукообразно зачастую подменяет научность. На самом деле, математика ни с какой диалектикой не совместима. Парадоксальность, приписываемая Ю.М. Лотманом многим ни в чем не повинным сущностям, свидетельствует, скорее, о его собственной непоследовательности.

Нарочитость математизации в гуманитарных науках отмечалась достаточно давно. Так, А.Ф. Лосев предостерегал от безоглядного применения математических методов в языкознании. Писатель И. Грекова еще в 1988 году в статье «Необязательные украшения» писала: «Математический аппарат в литературоведении (за редчайшими исключениями) играет роль чего-то вроде боевой раскраски дикаря. Придавая видимость «точности» формальному исследованию в неформальной области, он по существу мало чему помогает». Переходя же к оценке статьи Ю.М. Лотмана и М.Ю. Лотмана «Вокруг десятой главы «Евгения Онегина», доктор наук Е. С. Вентцель* замечает: «Прежде всего удивляет то, что <эта статья> в своей математической части написана не в стиле математики. Изложение запутанно, ряд естественно возникающих вопросов, касающихся математической модели, не только не разрешен, но даже не ставится <...>. В статье все это зашифровано, окутано туманом, но даже сквозь туман просматривается ряд погрешностей».

Сергей Зенкин в работе «Континуальные модели после Лотмана» отмечает, что в книге «Культура и взрыв» ученый перемещает оппозицию «дискретное/континуальное» в темпо-

* Настоящее имя И. Грековой.

ральную (временную) перспективу, тогда как ранее он рассматривал ее в пространственном аспекте. Интерес Лотмана к этой оппозиции мог быть навеян монографией Клода Леви-Стросса «Неприрученная мысль».

Цитирование работ можно было бы продолжить. Однако и так заметно, что аргументы «сopra» Лотмана аналитичны, соображения же «pro», чаще всего, — эмоциональны.

Последний раздел прощальной книги Лотмана «Культура и взрыв» носит название: «Место выводов». Это чрезвычайно характерно: Лотман весь и всегда в поиске, ему не до подведения итогов. Похоже, что его жизненный принцип: «движение — все, конечная цель — ничто».

Лотман постоянно увлекался и увлекал других. И хотя он был впереди, вести за собой ему не всегда удавалось. Движение по намеченному им пути превращалось в экскурсию по экзотическим местам. Маршрут Лот-

мана мог казаться многообещающим и единственным, когда других возможностей не было. Но с конца 80-х годов начали прорезаться многочисленные тропы, по которым устремились новобранцы науки.

На смену удовольствия от чтения Лотмана должно наконец прийти удовлетворение от освоения его научных результатов. Главная задача — провести аудит структурно-семиотической деятельности, отделить причуды от серьезных результатов.

Антиномичность Лотмана обусловлена не столько его личностью, сколько общей ситуацией в гуманитарных науках. Про Лотмана нельзя сказать, что он гнулся подобно «генеральной линии партии». Напротив, по его велению «изгибалась» гуманитарная мысль.

Думается, правильнее всего считать Ю.М. Лотмана не столько асом структурализма, мэтром семиотики, теоретиком культурологии, сколько феноменом культуры.

БИБЛИО-ГЛОБУС

ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

- Более 200 тыс. наименований книг
- Антиквариат. Товары для коллекционеров
- Электронные книги и ридеры
- Информационные терминалы
- Подарочные карты
- VIP-обслуживание, комплектование библиотек
- Фильмы, музыка, игры, софт
- Читательские клубы, встречи с писателями
- Интернет-магазин www.bgshop.ru
- Детский клуб «Библиоша»
- Канцелярские и офисные товары
- Билеты в театры, на концерты
- Библио-Глобус - туроператор www.bgoperator.ru
- Книги из-за рубежа на заказ

Клуб любителей истории «Клио» приглашает всех желающих на встречи каждую последнюю среду месяца.
Ведущая — Н. И. Басовская

Часы работы: пн.-пт.: 9.00-22.00 Москва, ул. Мясницкая, д.6/3, стр.1, (495) 781-19-00
сб.-вс.: 10.00-21.00 www.biblio-globus.ru

«3-С» Июнь 2012